

УДК 81'42:811.512.122 (575.2) (04)

АВТОЦИТАТА КАК ФЕНОМЕН ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

А.С. Адилова – канд. филол. наук, доцент,
Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова

In the article the selfquotation as the phenomenon of the intertextuality is scrutinized. For this purpose the same works of the modern Kazakh literature are analyzed, the different kinds of the selfquotation, its semantic functions in the poetical text are revealed.

Каждый текст – лишь звено в цепи других текстов. Понимание текста рассматривается с точки зрения интертекстуальности. Понятие интертекстуальности становится основополагающим, так как любой художественный текст должен рассматриваться на фоне других текстов, создавая открытое художественное пространство. Интертекст – это важнейшая составляющая понимания смысла текста и его интерпретации.

В современной казахской литературе феномен интертекстуальности находит выражение в актуализации связей текста с другими текстами посредством таких интертекстуальных проявлений, как аллюзии, реминисценции, цитаты и пародии. Указанные интертекстуальные включения и отсылки главным образом основываются на явлениях межтекстового взаимодействия, взаимовключения и взаимопроникновения сегментов текстов писателей разных эпох, творивших в хронологически отдаленное время и художников-современников, результатом чего выступает сопоставление текстов с целью формирования “текстового смыслового пространства”.

Явление автоцитации связывается с выявлением межтекстовых связей между творениями, созданными одним писателем; случаи такого рода инклюзивности в структурное и смысловое единство текстов наблюдаются в произведениях современных казахских писателей.

В произведениях многих авторов, наряду с элементами, демонстрирующими связи с текстами из области фоновых знаний (национальных, мировых, энциклопедических), встречаются отрывки, воссоздающие тексты из частной жизни человека, его личной сферы.

Например, писатель К. Жумадилов в один из своих рассказов вводит письмо, написанное им когда-то своей жене: *«Әйелі Сара өткен жылы төртінші ұлына босанды. Қартайғанда өзіне қолғабысы тиетін қыз табам деген үміті бар еді. Ол ойы орындалмады. Кейбір құрдастары футбол тілімен: “Сара есепті теңестірмек болып жүргенде, қақпасына тағзы бір доп соқтырып, қарсыласынан төрт те – ноль болып, ойсырай ұтылды”, – деп әзіл де шығарды... Сонымен қазір Жарқында төрт ұл бар. Төртеуі де тентек, әрине. Соңғы ұлды тапқанда Сара біраз ыңғайсызданып, өкінгендей болып еді, Жарқын перзентханада жатқан әйелін жұбатып: “Қыз таппадым деп қапаланба! Ұлдарың аман болса, түбінде осы жұрттың біраз қызы біздің үйге келеді”, – деп хат жазып жіберді»* [1].

«В прошлом году его жена Сара родила четвертого сына. Она так надеялась родить дочь – помощницу себе на старости лет. Не сбылась ее мечта. Некоторые друзья-сверстники по-футбольному шутили: “Пока Сара собиралась уравнивать счет, пропустила еще один гол противника в свои ворота и проигра-

ла вчистую 4:0”... Словом, теперь у Жаркына четыре сына. Все четверо, конечно, озорники.

Когда родился последний сын, Сара расстроилась, ей долго было не по себе. И Жаркын, чтобы успокоить жену, написал ей письмо в роддом: **“Не переживай, что не родила девочку! Будут живы-здоровы твои сыновья, и тогда много других дочерей придут в наш дом!”**» (все примеры, приведенные в статье, переведены профессором кафедры русской и зарубежной литературы КарГУ им. Е.А. Букетова С.Ж. Бралиной – А.А.).

Бесспорно, подобное включение личного письма в текст рассказа было необходимо писателю для раскрытия образа главного героя Жаркына.

Аналогичный пример: *плохое* (неграмотное) предложение в художественном произведении подобно *кривому гвоздю* – это сравнение встречается у автора в текстах трех жанров: первоначально в статье, посвященной проблемам литературного языка, в мемуарном романе и рассказе. Конечно, писатель мог бы найти другое сравнение для выражения своей мысли, но знакомая, когда-то удачно найденная, готовая коммуникативная структура, посредством которой передается семантика, сознательно вводится им в новый текст.

Отсюда следует, что претексты могут быть не только национальные и интернациональные (мировые), но и частные (личные). Иначе говоря, автор может вводить в текст в качестве претекста произведение, написанное им ранее. Подобный феномен в теории межтекстовых связей называется *автоинтертекстуальностью* или *автоцитацией*, *автореминисценцией*. В научной литературе имеется достаточное количество доказательств о наличии подобных явлений в произведениях писателей разных эпох [2, 3].

Термином **автоцитата** американский исследователь О. Ронен называет “цепочки лексико-семантических повторов”, связывающие разные произведения одного автора и являющиеся, по сути, межтекстовым повтором [4]. В свою очередь, по мнению Т. Сильман, автоцитатой могут считаться внутритекстовые повторы, вызывающие у читателя “пучок ассоциаций” и обладающие коннотативными смыслами [5]. На наш взгляд, внутритекстовый лекси-

ческий повтор чаще всего вербализует содержательно-подтекстовую информацию экстралингвистического характера, поэтому в определении автоцитаты мы придерживаемся взглядов О. Ронен.

Российский исследователь Н.В. Семенова в докторской диссертации пишет: “Факт автоцитации может быть доказан при использовании автоцитаты с пародийной функцией” [6]. В качестве аргумента своей гипотезы она рассматривает автопародии в текстах Набокова. Далее Н.В. Семенова указывает, что автоцитация может выполнять и другие, “непародийные функции”, которые, с нашей точки зрения, относятся к проблеме претекста в творчестве одного автора. Иначе говоря, автопародия в литературном процессе встречается крайне редко, поэтому автоцитата должна рассматриваться в системе “претекст – интертекст” и вербализации их семантических связей.

Автоцитация может проявляться в разных видах: в одних произведениях художник в вербальной форме представляет слова, словосочетания, предложения, использованные им в своих прошлых произведениях, в других – такие маркеры отсутствуют. Читатель со своей стороны должен сам установить эти связи. Например:

*“Сіз – тау, жартас,
жапырақтың ағасы,
Біз – бір Күннің көрінбейтін сәулесі.
Болар ма еді бұ тірліктің бағасы,
бітсе көңіл әуресі”* [7].

* * *

*“Байлыққа теңең
бағасыз өңшең,
Қоя алмаушы едім нүктемді.
Жапырақтың ағасы деуші ем,
жапалақ болып шықты енді”* [7].

*“Вы – скала,
Вы – мощная листва!
Я – лишь солнца незаметный луч.
Как же жизнь нам оценить тогда,
Если вдруг закончится она?”*

* * *

*«Так хотелось мне бесценному всему,
Как богатству, дать цену – и точка!
Называла “мощною листвой” –
Оказался хиленьким листочком...»*

Автоцитата – для поэта это языковой маркер исторического времени и идеального образа, в последнем тексте или в интертексте оригинала на нее указывают дополнительные лексико-грамматические индикаторы: глаголы давнопрошедшего времени – *қоя алмаушы едім, деуші ем*, а также наречие времени – *енді*.

Во втором тексте автор дает оценку своему прошлому с позиций сегодняшнего дня. Связь между двумя стихотворениями осуществляется на уровне словосочетания. Это словосочетание используется для создания контрастного образа. Если в авторском контексте перед нами возникает собирательный образ молодой, чистой, невинной души, то после авторской вербальной ссылки читатель, внимательно прочитав другой текст, через это словосочетание уточняет семантику стихотворения, а затем, сопоставляя семантику двух текстов, получает возможность полно и всесторонне понять содержательно-иносказательный и содержательно-концептуальный смысл последнего стихотворения.

В следующих примерах из произведений этой же поэтессы нет подобной вербальной ссылки, однако на уровне словосочетания ясно видна цитация, посредством которой семантика двух стихотворений как бы дополняет друг друга:

*“Мен ажалды алдап кеттім,
Ол да алдайды бір күні –
Жамалмасын білгенімде
Дүниенің жыртығы”* [7].

* * *

*“Жүдетсе де дүниенің жыртығы,
Көңілді аулап Күннің қызыл кірпігі,
Айдың аппақ сәулесіне оранып,
Мен бақытты бола салам бір күні”* [7].

*“Я судьбу пыталась обмануть,
Но она расплатится со мной –
Вот тогда не залатать ничем
Целый мир, который порван мной.”*

* * *

*“Хоть измучена я в порванном миру,
Солнечным ресницам улыбнусь,
В лунные укутаюсь лучи
И своего счастья я добьюсь.”*

В поэме “Гайша биби” [8] и романе “Нұрдан жаралған” [9] Есенгали Раушанова рассказ о змее можно считать автоинтертекстуальным, поскольку в обоих текстах отношения между людьми в обществе передаются через названную легенду. В свою очередь претекстом к двум текстам стало стихотворение, написанное автором ранее:

*“Ұмытпайды.
Біледі ел,
Білмесін бе?
Әулие атам
Халықтың бұл да есінде.
...Аруағы оның – сарүйек жылан екен,
Оратылып жатыпты іргесінде.”*

*“Соны айтады әлі күн,
өңір-аймақ,
Желден ұшқыр сарүйек,
Пері қайрат,
Алқа топта сөз алса атам менің,
Иығында тұрыпты шегіп айбат...”* [8].

*“Все об этом знают,
Как не знать?
Дед святой мой
В памяти людей.
Предок его – желтая змея,
Что лежит свернувшись у дверей.”*

*“И рассказы до сих пор живут,
Что змея, как ветер и как меч,
Только дед начнет мой говорить,
Грозно поднималась из-за плеч!...”*

В свою очередь Ж. Жакыпбаев одно из своих стихотворений школьных лет делает эпиграфом целого лирического цикла, а также включает в поэму “Нұрлы бақ” в качестве отрывка:

*“О, Ләйлә, мұңсызбын демеспін,
Қайғырса, қанатсыз емес кім?!
Бірақ та жынданып кететін
Мен саған Мәжнүн емеспін!”* [10].

* * *

*«Залдарда жыр қалатын,
Сенімен егескім кеп:
“Мен саған жынданатын
Мәжнүн емеспін”, – деп»* [10].

*“О, Лейла! Тоскую и страдаю,
Крылья опустились у меня...
Но тебе я не Меджнун несчастный,
Чтобы от любви сойти с ума!”*

* * *

*«И не раз потом везде звучали
Эти строки, что сказал я зря:
“Но тебе я не Меджнун несчастный,
Чтобы от любви сойти с ума”!»*

Каждый из приведенных текстов имеет свою цель и выполняет свои функции. В первом случае центральным образом произведения становится герой, переживающий сердечные муки, но упрямый, самоуверенный, не признающийся сам себе в своих чувствах; во втором примере мы наблюдаем тоску, ностальгию героя о прошлом.

В обоих случаях автор открыто показывает, что в качестве претекста он использовал ранее написанное им стихотворение: в первом тексте после эпиграфа назван первоисточник “Из юношеских стихов”, во втором – претекст включается трансформированной автоцитатой и выделяется пунктуацией.

Таким образом, межтекстовые связи играют важную роль в понимании и интерпретации художественного текста. Претексты в качестве маркеров интертекстуальности могут быть взяты из разных сфер действительности и не обязательно должны быть известны всем читателям. Некоторые претексты отражают в вербальной форме личную сферу, т.е. могут включать творчество писателя, его окружение, факты частной жизни. *Феномен автоинтертекстуальности*, возникающий в этом случае, по-

может глубже и полнее понять семантику отдельных текстов одного и того же автора и при чтении требует от читателя внимательного подхода, напряженного поиска в его долговременной памяти.

Литература

1. Жұмаділов Қ. Таңғажайып дүние. – Алматы: Қазығұрт, 2004.
2. Квятковский А. Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
3. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. Лукин В.В. Лингво-семиотические свойства художественного текста, его компоненты и параметры типологического определения: Дис. ... докт. филол. наук. – Орел, 2003.
5. Ронен О. Лексические и ритмико-синтаксические повторения и неконтролируемый подтекст // Изв. РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – №3.
6. Сильман Т. Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки. – 1969. – №1.
7. Семенова Н.В. Цитата в художественной прозе: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 2004.
8. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000.
9. Салықбай А. Аспандағы ансарым. – Алматы: Жазушы, 2001.
10. Раушанов Е. Ғайша бибі. – Алматы: Жазушы, 1991.
11. Раушанов Е. Нұрдан жаралған // Таңшолпан журналы. – 2002. – №4.
12. Жақытбаев Ж. Ләйла. – Алматы: Атамұра, 2002.